

Талина Куликова

хорошее
настроение
гарантировано

Свидание по заданию

*Законы любви написаны
самым неразборчивым
почерком на свете.*

Галина Куликова. Смешной лирический роман

Галина Куликова
Свидание по заданию

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Куликова Г. М.

Свидание по заданию / Г. М. Куликова — «Эксмо»,
2016 — (Галина Куликова. Смешной лирический роман)

В жизни Марьяны все наперекосяк: жених ушел к ее лучшей подруге, любовник уничтожил ее карьеру. Как тут не взвыть! Как не стать подозрительной! Как не превратиться в мужененавистницу! Но душа Марьяны отходчивая. Она знает: заикливаться на неудачах — все равно что отказываться от путешествия из-за собак, гавкающих на обочине. Девушка пытается по крупицам собрать свою жизнь. Поэтому и соглашается поехать в командировку в далекий провинциальный городок, где ей предстоит выполнить странное задание, и позволяет себя проводить приятелю, чья симпатия вот-вот перерастет в воскрешающее чувство. Знать бы Марьяне, что удар судьбы – это пинок к успеху...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Куликова Г. М., 2016
© Эксмо, 2016

Галина Куликова

Свидание по заданию

© Куликова Г., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Тетенька, пропустите! – Стайка девчонок едва не снесла Марьяну с тротуара. Нахальные детские ноги прогрохотали по луже, и Марьянины брюки приняли на себя мощный удар ледяной воды. Она успела лишь ахнуть, а девчонки уже унеслись, хохоча из своих капюшонов, как маленькие ведьмы.

«Теперь замерзну и простужусь... Эх, да какая разница!» – обреченно подумала Марьяна и одним резким движением закрыла зонт. Ветер упорно пытался сделать из него блюдце, вывернув наизнанку. Без зонта идти и злиться на весь мир стало гораздо удобнее – вода попадала за шиворот и застилала глаза. Сейчас было бы очень кстати поплакать или даже порыдать в голос – в такую погоду вряд ли кто обратит внимание на рыдающую девицу.

Плакать Марьяне не хотелось, всего две скудные слезы выползли из ее глаз, да и те немедленно были смыты неласковым дождем. Она, как давешние девчонки, тоже принялась намеренно наступать в лужи, получая мрачное удовольствие от поднятых брызг. Навстречу ей по шоссе плотной стеной двигались машины, сыто урча и напитывая студеным воздухом запахом бензина.

Возле большого книжного магазина девушка невольно замедлила шаг. «Может быть, зайти и купить какое-нибудь руководство из серии «Как стать счастливым за десять дней»? – неожиданно подумала она не без иронии. – Если не поможет, то хотя бы развлечет. Счастье мне сейчас не помешало бы».

Через пару минут, отряхиваясь и отфыркиваясь, она уже входила в большой сухой зал, наполненный теплым запахом бумаги. Неподалеку, сцепив руки в замок, с лицом палача, приготовившегося выполнить свою работу, стоял охранник. Он посмотрел на Марьяну пристально, словно прикидывал, не отсечь ли ей голову сразу, не откладывая дела в долгий ящик. Проигнорировав его, девушка направилась к разделу популярной психологии. Остановилась перед стеллажом и мысленно присвистнула. Авторов, которые претендовали на то, чтобы сделать ее счастливой, оказалось так много, что она мгновенно усомнилась в их авторитетности. Потратив немало времени, она все-таки выбрала пару книг, прихватив заодно с полки томик под названием «Тропинка к счастливому браку». Интересно, почему именно тропинка, а не шоссе или даже автострада? Можно подумать, к браку нужно пробираться, как горной козе, по краю обрыва. Или горному козлу... Ладно, «Тропинку» тоже нужно взять. С замужеством у Марьяны, как и со всем остальным, вышел облом.

В этот момент в ее кармане тренькнул мобильный. Она достала его и прочитала сообщение: «Где ты сейчас?» И мгновенно представила себе Диму Полетику, который энергично нажимал на клавиши. Ни погода, ни настроение, ни время суток не влияли на его удивительную врожденную бодрость – он обладал способностью функционировать с утра до глубокой ночи. Если бы он был радиоприемником, то работал бы всегда на полную громкость. Марьяна написала, где она, и в конце добавила смайлик – простое и понятное выражение приятия.

Потом спрятала телефон в карман, прижала выбранные книги к груди, сделала два широких шага по направлению к кассе... И буквально нос к носу столкнулась с лучшей подружкой Леной Капитоновой. То есть с бывшей лучшей подружкой. Некоторое время обе стояли, словно пораженные громом, и тарасились друг на друга. Рано или поздно эта роковая встреча,

конечно, должна была произойти. Однако Марьяна надеялась, что все же не так скоро. Лучше всего в глубокой старости, когда становишься сентиментальным и готов всех и за все прощать.

Сердце заколотилось в груди как бешеное. Марьяна подумала, что будь она собакой, шерсть у нее на загривке сейчас встала бы дыбом. Молчать было глупо. Поэтому, оглядев бывшую лучшую подругу с ног до головы, Марьяна враждебно заявила:

– Я думала, ты горишь в аду.

Бывшая подруга, кстати, выглядела на диво цветущей. Невысокая и стройная, в каштановых кудрях, с дурацким румянцем во всю щеку. «Просто картинка, – пронеслось в голове Марьяны. – А я выгляжу как мокрая крыса. Да еще в грязных штанах и старых ботинках! И маникюр не сделала... Ну что за закон подлости?! Почему именно сегодня, сейчас?»

– С чего бы мне гореть в аду? – притворно удивилась цветущая Капитонова, сдвинув брови. – Смертных грехов за мной не водится.

Когда они учились в школе и сидели за одной партой, Капитонова всегда вот так вот хмурила брови во время диктантов, контрольных и проверочных работ. «Выходит, я у нее все равно что проверочная работа, – пронеслось в Марьяниной голове. – Ну и прекрасно, пусть понервничает».

На самом-то деле Марьяна рассчитывала, что Капитонова вообще трусливо сбежит, едва завидев ее на горизонте. Однако та не собиралась никуда бежать, наоборот, приосанилась и выпятила грудь. То есть решила принять бой. У нее даже нос заострился от напряжения. Длинный нахальный нос. А она еще, помнится, подбадривала эту гадину, говорила, что нос – это ерунда и никак не влияет на личную жизнь. И что когда встречается настоящая любовь, длина носа не имеет никакого значения.

– Ну, и как тебе живется с моим женихом? – поинтересовалась Марьяна, понимая, что никаких слов не хватит, чтобы описать ту бурю чувств, которая поднялась в ее душе при виде бывшей подруги.

Ноздри у нее мелко дрожали, а правый глаз подергивался, как тогда, когда она дала смачную пощечину предателю Северцеву.

– Спасибо, неплохо, – ответила Капитонова небрежным тоном. – Тем более что твой жених уже стал моим мужем. – Она победно потрясла перед носом Марьяны правой рукой, демонстрируя тонкое, но все равно бросающееся в глаза обручальное кольцо.

С какой стороны ни посмотри, это было жестоко. Марьяна так громко скрипнула зубами, что очкарик, стоявший неподалеку, удивленно посмотрел на нее.

– Ловко ты присвоила чужую собственность. – Ей хотелось вцепиться в наглое золотое кольцо, сорвать его с пальца и зашвырнуть подальше. А может быть, вцепиться в саму Капитонову и тоже швырнуть ее – так, чтобы пролетела через весь магазин.

– Алик никакая не собственность. Он ведь не дом и не автомобиль. У него было право выбора, и он выбрал меня. – Капитонова перевесила сумочку с левого плеча на правое, потом повторила маневр, перевесив ее с правого плеча на левое. Судя по всему, она и в самом деле сильно нервничала, несмотря на то что у Алика Северцева имелось какое-то там право выбора.

– Если бы я тогда не опоздала на это чертово мероприятие, – презрительно начала Марьяна.

– На полтора часа, – поддакнула Капитонова.

– Вы бы не спелись, как Чип и Дэйл.

– Мы не спелись. Мы влюбились! Мы поняли, что созданы друг для друга. И что это судьба, если ты понимаешь, о чем я. Пока мы тебя ждали, успели переговорить обо всем на свете...

Капитонова взволнованно облизала губы. Вероятно, отчетливо вспомнила все, что происходило в тот знаменательный день.

– Влюбились они! – разозлилась Марьяна. – Северцев был моей второй половинкой. А ты явилась, покрутила задницей, похлопала ресничками, прикинулась эдакой пушистой овечкой и отодрала его от меня. С мясом! Я ведь тебе про Алика все рассказала. Что он любит, чем увлекается, что одобряет. И ты этим нагло воспользовалась, чтобы его завлечь и охмурить.

Они впервые выясняли отношения и если бы встретились не в тихом книжном магазине, а в другом месте, наверняка уже орали бы друг на друга. Сейчас же просто шипели, как две змеи, решившие померяться силами.

– Да было бы тебе известно, в любви главное – химия, а не совпадение вкусов, – парировала Капитонова. – Так что даже если я его и увлекла, то только потому, что он сам этого захотел.

– Ну, конечно! – презрительно бросила Марьяна, по венам которой теперь тек чистый яд. – Алик Северцев простодушен, как щенок сенбернара. Ты заморочила ему голову. Вся такая сю-сю-сю! Я-то знаю, как ты умеешь втираться в доверие. Все учителя в школе считали тебя девочкой-одуванчиком, но, как выяснилось, ты искусно маскировалась. Кстати, мне просто интересно, где вы с Аликом живете? В одной квартире с твоими родителями и братьями? По ночам тихо сопите за ширмой?

– Мы снимаем квартиру, – с независимым видом заявила Капитонова. – Если люди по-настоящему любят друг друга, они могут справиться с любой проблемой.

– Ну надо же! Выходит, сила страсти побеждает ум, честь, совесть и даже жилищную неустроенность. – Марьяна так широко улыбнулась, что у нее едва не затрещали щеки.

– У нас с Аликом не просто страсть, а настоящая любовь, – с вызовом сказала Капитонова и выставила вперед одну ногу, словно собиралась забронзоветь, высказав столь оригинальную мысль.

– Только помни, милочка, – язвительно заметила Марьяна, – любовь, конечно, окрыляет, но при этом не страхует от авиакатастроф.

Она не знала, как закончить эту попытку: дать Капитоновой книжками по башке или просто гордо удалиться. С ненавистью посмотрела в знакомое до последней конопушки лицо, неожиданно почувствовав, что в ней просыпается темная древняя кровожадность. И под этим ее людоедским взглядом лицо Капитоновой вдруг начало сминаться, губы поехали вниз, а из подлых глаз с густо накрашенными ресницами выкатились одна за другой крупные слезы.

– Ох, Марьяша, – неожиданно тонким голосом сказала бывшая подруга, – Марьяша, прости меня!

Она громко втянула носом воздух и внезапно кинулась Марьяне на грудь, обвив обеими руками ее шею. Вероятно, все ее предыдущие самоуверенные заявления были не более чем бравадой, за которой скрывался ужас совершенного предательства. От ее волос пахло сладкими жасминово-пионовыми духами, и Марьяна почувствовала себя так, словно сунула нос в букет. Вот только этого ей не хватало! Предательница ревет белугой, а ее это ни чуточки не трогает. Так и подмывает сказать какую-нибудь гадость, от которой бывшая лучшая подруга заревет еще громче.

Стоя в объятиях раскаявшейся Капитоновой и глядя через ее плечо мрачным взглядом, Марьяна неожиданно заметила постер, украшавший стену магазина. На нем был изображен смуглый пожилой человек, и его умные, немного насмешливые глаза смотрели через круглые очки прямо на девушку. «Умение прощать – свойство сильных, – было написано внизу. – Слабые никогда не прощают». В конце красовалась подпись: Махатма Ганди.

– Я никогда, никогда не хотела перебежать тебе дорогу, – бормотала тем временем Капитонова прямо ей в ухо. – Это был просто несчастный случай! Та вечеринка... – Она отлепилась от Марьяны и даже отступила на один шаг, сцепив руки в замочек. – Тебя все не было и не было... Мы с Аликом разговорились, и оказалось, у нас так много общего. Мы не могли остановиться, не могли насмотреться друг на друга.

– Меня сейчас вырвет, – сказала Марьяна с отвращением. – Прекрати живописать зарождение вашего большого чувства.

Однако Капитонова ее не слушала. Желание выговориться было настолько сильным, что остановить ее мог бы только метеорит, злой космической судьбой посланный разбомбить книжный магазин.

– Нам было так хорошо вдвоем, – чистила Капитонова. – Мы находились на одной волне. Когда ты наконец появилась, Алик шепнул мне на ухо, что мы обязательно должны встретиться завтра... Я сразу согласилась.

Марьяна мгновенно представила, как все происходило. Всю их восхитительную болтовню, весь восторг внезапной яркой симпатии, все эти мурашки по спине. Вспомнила, как влетела в зал и увидела их обоих у стола с напитками – раскрасневшихся, оживленных. Капитонова нервно заправляла волосы за уши, и уши эти пылали, как рубиновые звезды Кремля. Алик при встрече впервые поцеловал свою невесту невнимательно и быстро, твердыми губами, и она подумала, что они такие холодные из-за ледяного шампанского, которое он пил.

– Я знаю, что поступила как свинья! – продолжала между тем свой речетатив Капитонова. – Но я была влюбленной свиньей. Я влюбилась в Алика сразу, как только увидела, с первого взгляда. Я была ослеплена и абсолютно деморализована. Ты же знаешь, как это бывает! Марьяна, я так перед тобой виновата...

Воздушный шар, который все это время надувался на горелке Марьяниного гнева и уже поскрипывал от собственной полноты, с треском взорвался, на клочки разметав гнев, ярость и смертельную обиду. Ее вдруг ослепила мысль, что все безнадежно потеряно – любовь к Алику, дружба с Капитоновой... Все это в прошлом, и прошлого не вернуть.

– Ладно, Капитонова, хватит страдать, – усталым голосом сказала Марьяна. – Хотя с вашего предательства и начались все мои неприятности, я вас, так и быть, прощаю. Я сильный человек. – Она покосилась на Махатму Ганди. – Я справлюсь.

– Ты серьезно? – Капитонова сочно хлюпнула носом. – Может быть, мы тогда... Ну я не знаю... Выпьем по чашке кофе?

Это была очередная наглость. И Марьяна мгновенно прихлопнула робкий росток капитоновской надежды.

– Нет уж, Лена, дорогая. – Она не смогла убрать язвительность из своего тона. – Я тебя действительно прощаю, но дружбе нашей конец. Да и о чем, скажи на милость, ты собираешься со мной болтать за чашечкой кофе? О том, какой из Северцева получился замечательный муж? Может, ты мне еще свадебные фотографии покажешь в своем мобильнике?

– Нет, я не собиралась... – ахнула Капитонова. – Но, Марьяна! Мы ведь с самого детства были вместе! У нас столько общих воспоминаний. Мы с тобой съели пуд соли...

– Видимо, этот пуд и засорил твои мозги, – отрезала Марьяна. – Прощай, Капитонова. Надеюсь, жизнь повернется к тебе своей лучшей стороной. «А не той, которой она повернулась ко мне», – мысленно добавила она и, криво улыбнувшись, направилась к выходу. Охранник глядел на нее издали, как кот на плотву, и она тут же спохватилась, что так и не заплатила за книги. Пришлось вернуться к кассе.

Краем глаза она заметила, как ссутулившаяся Капитонова побрела в другой зал, сморкаясь на ходу. «Интересно, а я смогу когда-нибудь простить ее на самом деле? – подумала Марьяна. – Сегодня ее, кажется, вместо меня простил Махатма Ганди». Сердце все еще стучало в ускоренном ритме, а чувства клокотали в груди, как суп в котелке голодного туриста, переборщившего с дровами для костра. Марьяна сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Потом пристроилась в конец небольшой очереди в кассу и принялась выуживать из сумки кошелек. В этот момент в кармане зазвонил телефон. Зажав его между ухом и плечом, Марьяна некоторое время слушала взволнованное сопение, после чего до нее донесся тонкий умирающий голос:

– Приезжай, ты мне нужна! Это твоя старшая сестра.

– У меня две старшие сестры, – ворчливо ответила Марьяна.

Сейчас она была не в том настроении, чтобы легко и непринужденно щебетать в трубку.

– Ты издеваешься?! – Умирающий голос мгновенно обрел силу и даже страсть. – Родная сестра на грани нервного срыва, а ты вздумала паясничать!

– Ладно-ладно, Соня, не ори мне в ухо. Что там у тебя случилось? Неужто Толик опять сбежал? – неподдельно изумилась она.

Вот уже почти год, как Сонин муж то уходил от нее к любовнице, то возвращался обратно. Причем возвращался не побитой собакой, а гордым страдающим романтическим героем, которому совесть не дает совершить окончательную подлость. Период относительного покоя у него длился примерно полтора месяца, после чего он перебежал от одной женщины к другой, обрушивая на каждую из них такую лавину чувств, перед которой не могло устоять ни одно, даже самое стойкое женское сердце.

– Он не сбежал, а вернулся, – раздраженно ответила Соня. – Я не знаю, что делать! Как реагировать?!

Марьяна сардонически ухмыльнулась. Уж она бы знала, как реагировать. Уж она бы дала Толику такого пинка под зад, что он летел бы до Луны, как ракета.

– А что ты чувствуешь? – осторожно поинтересовалась она.

– Я не знаю, что я чувствую, – огрызнулась Соня. – У меня сейчас столько чувств, что их можно продавать на вес, как бочковую кильку. Ты должна срочно приехать.

– Боишься на радостях убить Толика? – Марьяна наконец добралась до кассы и выгрузила свои покупки на деревянный прилавок.

Кассирша пробила ей чек и отсчитала сдачу с обреченностью каторжника, у которого впереди еще двадцать лет заключения. «Возможно, в ее жизни тоже происходит что-нибудь плохое», – пронеслось в голове Марьяны.

– Мне нужна моральная поддержка, – тем временем заявила Соня непререкаемым тоном. – Вера уже выехала, но ей добираться полтора часа. А ты сейчас где?

– Я в центре, – сообщила Марьяна. – А вот где сам Толик?

– Он спит, – коротко ответила младшая из двух старших сестер. – После жестокого нервного стресса он всегда впадает в спячку.

– Это у него жестокий нервный стресс? – поразилась Марьяна.

– Я знаю, как ты к нему относишься! – с истерическими нотками в голосе воскликнула Соня. – Как вы все к нему относитесь! Но вы его совершенно не понимаете. Он просто слабый, запутавшийся человек, ему нужна помощь!

– Ладно-ладно, поговорим при встрече, – перебила ее Марьяна. Благо сестра не видела, как она при этом закатила глаза. – По-моему, сейчас именно ты нуждаешься в помощи. Лучше бы вы с Толиком вместе впадали в спячку и просыпались уже счастливыми.

По опыту Марьяна знала, что все разговоры с Соней бессмысленны. И она, и Вера потратили недели – месяцы! – своей жизни на то, чтобы вразумить несчастную, воззвать к ее здравому смыслу, чувству собственного достоинства, к женской гордости... Все было напрасно. Толик оказался непобедим, как полководец Суворов. Когда он убегал, Соня собирала в кулак силу воли и мужественно жила, стараясь сосредоточиться на своем новом, одиноком существовании. Но как только он возвращался, она мгновенно превращалась в кисель – рыдала, выясняла отношения, прощала, ревновала, вырывала у Толика клятвы верности и грозила ему жестокой расправой, если он еще хоть раз променяет ее на какую-то там тощую выдру. «Тошная выдра» была чистой фантазией – Соня понятия не имела, как выглядит ее соперница, и это придавало семейным скандалам особый драматизм.

Пообещав взбаламученной сестрице приехать как можно скорее, Марьяна вышла на улицу, вновь окунувшись в промозглый осенний сумрак. Дождь утих, но повсюду капало и

хлюпало. После теплого магазина холод пробрал Марьяну до костей, как недавно пробрала ярость при встрече с Капитоновой. Много раз она представляла себе эту встречу, репетировала слова, которые скажет, видела, словно в зеркале, каждое выражение своего лица, оттачивала реплики... И оказалась совершенно не готова к реальному разговору. «Я держалась с достоинством, – уговаривала она себя, остановившись на кромке тротуара и затуманенными глазами глядя вдаль, на улицу, освещенную витринами и маленькими лунами светофоров. – А что я еще могла сделать?! Устроить публичную сцену? Унизиться до драки? Обойти Капитонову, как столб на дороге? Разрыдаться? Нет, все было правильно, я вела себя мужественно и сказала мудрые слова про то, что прощаю ее и Северцева».

Марьяна тяжело вздохнула и отступила от бордюра на несколько шагов – огромная туша троллейбуса с шелестом проплыла мимо нее, обдав мощной воздушной волной. К этому времени пробки уже рассосались, и машины ехали живее, а когда одна из них лихо подрулила прямо к ней, Марьяна устало махнула рукой, показывая, что вовсе не ловит частное такси. Однако автомобиль не отъехал, а коротко гуднул, и только тут ей пришлось в голову всмотреться в лицо водителя.

За рулем сидел Дима Полетика с улыбкой от уха до уха и знаками предлагал Марьяне быстрее забираться внутрь. И она вдруг так обрадовалась его появлению, что едва не подпрыгнула на месте. Дима! Уверенный в себе Дима, ответственный Дима, умный Дима! Он был антидотом, который мог спасти ее от яда, попавшего в кровь при встрече с Капитоновой. Именно Дима Полетика с его прямоотой, громогласностью, широкой душой, с его простыми и понятными эмоциями мог ее по-настоящему поддержать.

Марьяна скользнула на переднее сиденье и захлопнула дверцу за собой, оставив промозглый холод снаружи. В салоне было бескомпромиссно жарко и гремел «Марш рыцарей» Прокофьева – Дима никогда не тратил время зря и в дороге либо учил иностранный язык, либо знакомился с классической музыкой. Впрочем, марш он вполне мог слушать для удовольствия, такой уж у него был темперамент.

– Ты что, приехал специально? – радостно спросила Марьяна, поцеловав Полетику в веселую, с ямочкой, щеку.

Их отношения были еще недостроенными, еще сырыми, и поцелуи в губы при встрече казались неловкими. Хотя одну ночь они уже провели вместе. Всего одну ночь, неделю назад. Все у них получилось замечательно, но, побывав в его квартире, Марьяна поняла, насколько они разные. Половина ее личного пространства была занята стеллажами с книгами. В доме Димы книг не было в принципе – только какие-то заблудившиеся детективы с пожелтевшими обложками, календари и парочка подарочных изданий, запаянных в целлофан. Ее маленький телевизор висел на стене в кухне напротив обеденного стола и чаще всего невнятно бубнил, создавая уютный фон. Димин телевизор занимал весь центр гостиной, а динамики были рассчитаны как минимум на стадион.

Даже содержимое их холодильников удивительно отличалось друг от друга. Ее собственный чаще всего бывал полупустым – пара редисок, тонкий батон сервелата, коробка с финиками, банка зеленого горошка, бальзамический уксус... В Димином холодильнике пахло сливочным маслом. Весь он был плотно заставлен дородными бутылками молока, кефира и ряженки, забит яростно пахнущими «Российским» и «Костромским» сырами и оковалками оптимистично розовой «Докторской» колбасы. А еще творог, белый хлеб, майонез, целый ящик помидоров с огурцами и связка репчатого лука. Широкая душа Полетики не терпела пустоты.

Марьяна старательно пыталась приладиться к новому мужчине, нащупать общий с ним ритм, но пока у нее это плохо получалось. Она осторожничала, обозначала границы и возводила сторожевые башни.

– Конечно, я приехал специально. Ты сказала, что ты в книжном, а у меня образовалось свободное время... Так что я могу тебя подвезти. Или хочешь, поужинаем вместе и поедем ко мне?

Он приглушил музыку, включил «аварийку», повернулся к Марьяне и посмотрел на нее испытующе. Все в его лице было светлым и каким-то удивительно добрым. Широко расставленные глаза, крупный короткий нос, улыбка, нарисованная несмываемыми чернилами счастливого детства.

– Нет, сегодня я не могу, – с искренним сожалением ответила та. – Мне нужно к Соне – у нее опять проблемы в личной жизни.

– Ну... Это нормально.

– Думаешь? – удивилась Марьяна.

– Конечно. Проблемы в личной жизни начинаются ровно в тот момент, когда в жизни вообще появляется хоть что-нибудь личное, – авторитетно заявил Дима.

– А что же мы? Разве у нас с тобой уже начались проблемы? – спросила Марьяна с быстрой улыбкой. – По-моему, как раз наоборот. Полное отсутствие проблем!

Впрочем, проблемы были, еще какие. До сих пор Димина жизнь шла своим чередом, и для полного счастья ему не хватало лишь любимой девушки. Поэтому, встретив Марьяну, он целиком сосредоточился на ней. По крайней мере, у нее сложилось именно такое впечатление. Сама же Марьяна как раз переживала глубокий кризис, который прошел, что называется, по всем фронтам и серьезно повлиял и на ее эмоции, и на здравый смысл.

Тем не менее Марьяна была рада, что сейчас, в эту самую минуту, Дима оказался рядом. Может быть, он станет ее спасательной шлюпкой, маяком в ночи. Одиннадцать месяцев прошло с того дня, как Алик Северцев сказал ей: «Прости, я не могу на тебе жениться». И пока она была одна, эти слова преследовали ее днем и ночью. С появлением Димы они слегка потускнели. Наверное, со временем благодаря ему вся эта история и вовсе канет в прошлое.

– Я бы хотел познакомиться с твоими сестрами, – сказал Дима. – Но ты меня как будто прячешь от родных и друзей. Ну я понимаю, мама с папой – это преждевременно...

– Не с папой, а с отчимом, – поправила Марьяна.

Легкое движение бровью показало, что отчим у нее не в чести.

– Но для сестер наши отношения, кажется, давно созрели, разве нет? И друзья! У тебя же есть друзья? Ты могла бы взять меня с собой на чей-нибудь день рождения...

И тут Марьяне внезапно пришло в голову, что Дима Полетика – отличный выход из положения. Если она, допустим, выйдет за Диму замуж, ее жизнь волей-неволей стабилизируется, войдет в определенный ритм, обретет перспективу, а там, глядишь, добавятся яркие краски... Она испытующе посмотрела на своего гипотетического мужа, встретилась с взглядом его непобедимо ясных глаз и едва заметно улыбнулась. Кто сказал, что прочные многолетние отношения нельзя выстроить, используя исключительно ум, благодарность и толику симпатии? Может быть, страсти-мордасти только мешают счастью? А пресловутый «брак, заключенный на небесах» – всего лишь сделка со здравым смыслом?

– Ладно, – сказала она вслух и положила не согревшуюся еще ладонь на Димину руку, лежащую на руле, – рука была теплой и сильной. – На следующей неделе ужинаем с моей подружкой Олей Сениной и ее мужем, идет?

Полетика немедленно достал маленький ежедневник и деловито уточнил:

– В какой день недели, во сколько?

– Да ведь я же еще не договорилась, – засмеялась Марьяна. – И вообще... Мне не нравится, что ты собираешься внести меня в расписание.

– Как скажешь. – Дима без сожаления захлопнул ежедневник. – Не думай, я понимаю, что ты имеешь в виду. Тебе хочется, чтобы я помнил обо всем, что связано с тобой, несмотря на дела, на плотный график, на десятки клиентов...

«А он пронизательный», – одобрительно подумала Марьяна, изо всех сил стараясь не сравнивать Полетику с Аликом Северцевым. С Аликом Северцевым не мог сравниться никто.

– И ты готов помнить? – Марьяна добавила в свой голос чуточку кокетства.

Она уже уяснила: управляешь эмоциями – управляешь мужчиной. Если же у тебя самой слишком много эмоций, управлять будут тобой. Уроки жизни, чтоб их...

– Нам надо уезжать, – вместо ответа сказал Полетика, глазами показав на полицейского, который походкой ленивого пингвина двигался к ним по краю шоссе, помахивая жезлом.

Возможно, устрашающий живот ему выдали вместе с удостоверением, чтобы пугать мелких нарушителей. Полицейский был еще довольно далеко, но Марьяна всерьез обеспокоилась.

– Давай-давай, включай поворотник, – зашипела она.

Дима не стал спорить и, отчалив от обочины, мгновенно встроился в поток машин. Полицейский проводил их пристальным взглядом, но останавливать не стал.

Они быстро летели по вечернему городу, машина глотала лакированный асфальт и жидкую серую грязь, наплывавшую с обочин. Даже из натопленного салона смотреть на город, все глубже погружавшийся в позднюю осень, было зябко.

Дима довез Марьяну до Сониного подъезда, аккуратно припарковался и вышел, чтобы помочь девушке выбраться из машины. Здесь, в полутемном дворе, под мигающим и тихо потрескивающим фонарем с поврежденной проводкой, они поцеловались по-настоящему. Во время поцелуя Марьяна думала о том, как нежно и крепко Полетика обнимает ее и как приятно пахнет его кожаная куртка. Она испытала негу и нежность и вошла в подъезд, слегка пошатываясь. Закрывая за собой дверь, увидела, как он садится в машину, и остро захотела остановить его.

Остановить, снова сесть в автомобиль и целоваться, пока в салоне не закончится воздух. А потом открыть окна и с ветерком помчаться по городу, добраться до Диминой квартиры, сбросить одежду и почувствовать себя свободной – от прошлого, от чертовых воспоминаний, от сестринских обязанностей.

Вместо этого ей предстояло самое лакомое вечернее время потратить на идиотского Толика, который никак не мог определиться, кого же он больше любит – свою жену или свою любовницу.

Не успела Марьяна дойти до лифта и нажать на кнопку вызова, как дверь подъезда за ее спиной еще раз хлопнула, и знакомый голос деловито поинтересовался:

– Это и есть твой новый парень?

– Я тоже рада тебя видеть, – проворчала Марьяна, повернувшись лицом к своей самой старшей сестре Вере.

Та подошла и чмокнула ее в макушку, пользуясь преимуществом роста. Вера была довольно полной, но при взгляде на нее никто не осмелился бы сказать про лишний вес. В ее фигуре определенно не было ничего лишнего. Плащ, перетянутый ремнем, обрисовывал талию и высокую грудь. Выражение лица было слегка суровым, но в семье все к этому давно привыкли.

– Ну так что?

– Да, это мой новый парень, – вынуждена была признаться Марьяна.

– Мне понравилась его машина, – сообщила Вера. – Его самого я толком не рассмотрела.

Почему ты не хочешь познакомить его с нами?

– Алика Северцева я с вами сразу познакомила. – Марьяна находилась под впечатлением от недавней встречи в книжном, и слова сами слетели с ее языка. – Разве из этого получилось что-нибудь хорошее?

Она с вызовом посмотрела на сестру.

– Господи, Марьяна, радость моя. – Вера как будто даже испугалась. – Скоро год, как Северцев сбежал. Неужели можно так долго страдать по мужику, который женился на твоей лучшей подруге?!

Марьяна неопределенно пожала плечами.

– Я не страдаю, – все-таки ответила она, когда открылись двери лифта. – Просто я сегодня встретила Капитонову.

– И что ты с ней сделала? – полюбопытствовала Вера, первой входя в лифт и двумя руками поправляя прическу.

У всех сестер были густые темно-русые волосы, которые сами по себе укладывались красивыми волнами. У Веры они были совсем короткими, у Сони – длинными, а у Марьяны – до плеч.

– Я сказала, что прощаю их обоих, ее и Алика. – Марьяна посмотрела на носки своих грубых ботинок, переживших уже не одну октябрьскую непогоду.

– Звучит неискренне, – вынесла вердикт Вера. – Да и неудивительно. Будь я на твоём месте, я бы этих засранцев никогда не простила.

Лифт качнулся и тронулся, натужно поскрипывая. В нем мерзко пахло мокрыми собаками и чьим-то еще более мерзким одеколоном. На панели было нацарапано нехорошее слово, а пластмассовая кнопка связи с дежурным кем-то старательно обгрызена.

– Вер, ну а вот если они на самом деле влюбились? – Марьяна широко распахнула глаза. Сейчас она изо всех сил старалась быть справедливой. Без публики ее справедливость куда-то испарялась.

– Ты думаешь, когда приходит настоящая любовь, все остальное теряет значение – совесть, дружба, порядочность? – жестко поинтересовалась Вера. – А если бы они Соню убили, чтобы она их не нервировала? Это тоже надо было бы простить, потому что их переклинило от большого чувства друг к другу?

– Ну вот, опять ты за свое, – проворчала Марьяна. – Вечно у тебя Армагеддон.

Когда лифт остановился и открыл двери, сестры замолчали, вышли на лестничную площадку и переглянулись. Они точно знали, что их ждет, поскольку проходили это раз пять или шесть – они уже сбились со счета, припоминая, сколько раз Толик убегал и возвращался.

– Опять мы с тобой попались на эту удочку, – уныло констатировала Вера, нажимая на кнопку звонка.

– Лично я участвую в этом в последний раз, – заявила Марьяна.

Вера ей не поверила и усмехнулась. Марьяна тоже себе не верила. Потому что Соня – заговорщица, болтушка, любимица семьи – со всеми ее чрезмерными эмоциями, восторгами и слезами, острым умом и чисто женской глупостью, каким-то непостижимым образом вертела обеими сестрами как хотела.

Соня открыла на первый же звонок, как будто ждала за дверью. А может быть, и в самом деле сидела в коридоре на банкетке, изодранной котом, и прислушивалась к шагам на лестнице. На ней были широченные штаны и свободный кашемировый свитер, в этой одежде она казалась особенно хрупкой и незащищенной. Вероятно, женский инстинкт подсказывал ей, в каком виде правильнее встречать блудного мужа.

– Толик все еще спит? – поинтересовалась Марьяна шепотом.

Она выскользнула из плаща и сбросила ботинки, облегченно пошевелив пальцами ног.

– Он выпил успокоительные таблетки. – Соня тоже говорила вполголоса.

Увидев ее пышную прическу и коралловые губы, посторонний человек решил бы, что эта женщина вполне владеет собой. И только сестры знали, что прическа в викторианском стиле делается при помощи одной заколки за полторы минуты, а подкрашивание губ у Сони все равно что нервный тик – волнуясь, она каждые две минуты хватается за помаду.

И тот же человек наверняка подумал бы, что Толик – настоящий идиот, если бросил такую красивую женщину. Соня была самой шикарной из всех сестер Тумановых.

– Он выпил успокоительное! – язвительно бросила Вера. – А ты?

– Я просто пытаюсь напиться.

– Мы нужны тебе в качестве собутыльниц? – Вера сняла обувь и аккуратно поставила на коврик – сапожок к сапожку. – Тебе самой не кажется, что мы бегаем по одним и тем же коридорам, как крысы в лабиринте? Что мы можем сказать тебе нового? Ни я, ни Марьяна не влюблены в твоего идиотского Толика. Нам трудно быть столь же снисходительными к нему, как ты.

– Я знаю, знаю. – Соня повела сестер на кухню, где обычно устраивались женские посиделки.

Кухня была светлой и чистой, хотя и не вылизанной до блеска. На полках стояли кастрюли и сковородки нового поколения с биопокрытием – никаких тебе эмалированных старушек с цветочками на боках. Прямо на столе, возле вазочки с конфетами, возлежал бело-рыжий кот по кличке Марафет и прикидывался спящим. Разумеется, он понимал, что рано или поздно его схватят и начнут тискать, и ждал этого не без удовольствия. Однако сегодня на него никто почему-то не обратил внимания.

– О, разлежся, – проворчала Вера, устроившись на единственном стуле со спинкой. – Все угощения в этом доме подаются с кошачьими микробами.

– Девочки, я пью арманьяк, – доложила Соня и достала еще два шарообразных бокала. – Думаю, вам он тоже не помешает. Вы же не за рулем?

– Меня привез Полетика, – сообщила Марьяна, почувствовав, что, несмотря ни на что, ей приятно снова быть чьей-то девушкой.

– А я приехала на метро. – Вера придвинула к себе бутылку и повертела в руках. – Блин, красиво живешь.

– Это Толик принес, – сообщила Соня.

Сказать по правде, она и сама не знала, зачем так срочно вызвала сестер. Они с Толиком пережили очередное выяснение отношений, после чего он лег спать, а она принялась бегать по дому, заламывать руки и выдумывать для себя оправдания. Наверное, ей хотелось, чтобы сестры все-таки поняли, почему она раз за разом прощает своего благоверного, чтобы они смирились с ее страстным желанием сохранить именно этого мужчину, чтобы они похлопали ее по плечу и сказали: «Дерзай. Мы с тобой. Все, что ты ни сделаешь, будет правильным». До сих пор сестры не проявляли подобного великодушия. Они полагали, что Соне действительно нужны их советы, тогда как она жаждала исключительно одобрения.

– А цветы он принес? – мгновенно вскинулась Вера. – И вообще... Соня, какого черта происходит? Примерно раз в месяц ты зовешь нас, потому что Толик сбежал или потому что Толик вернулся, мы тебя успокаиваем, промываем тебе мозги, кое-как приводим в чувство, а потом все начинается сначала. Тебе самой не надоело? И как ты ведешь себя на работе? Вряд ли ты способна скрыть от коллег все эти танцы с бубнами, которые устраивает твой муженек. С твоим-то языком! Тебе перед ними не стыдно?

– Стыдно, – горячо заверила ее Соня, усевшись на табуретку и подперев щеку кулаком. – Когда каждая собака знает о твоих неудачах, хочется выть в голос.

– У тебя ведь такая ответственная работа, – подключилась к разговору Марьяна. – Государственный музей! Как можно рассортировывать экспонаты, наводить порядок в фондах, а свою жизнь так запутать?

– Я прожила с Толиком десять счастливых лет, – знакомым истеричным тоном заявила Соня и отхлебнула янтарную жидкость, оставив на бокале коралловый отпечаток губ.

– Зато одиннадцатый год стоит всех этих десяти. – Вера посмотрела на сестру с неудовольствием.

– Если бы вы знали Толика так, как знаю его я...

– Да говнюк твой Толик! – не выдержала Марьяна и хлопнула ладонью по столу.

Марафет приоткрыл один глаз и посмотрел на нее с неудовольствием. Бежать и прятаться ему было неохота, тем более что хозяйкиных сестер он знал хорошо. Иногда они говорили слишком громко, но никогда ничем в него не швырялись и частенько совали ему под нос кусочки чего-нибудь вкусного и для котов, безусловно, вредного.

– У тебя все говнюки, – мгновенно вскипела Соня, живо развернувшись лицом к младшей сестре. – Алик Северцев говнюк, потому что бросил тебя, Толик говнюк, потому что бросил меня, отчим говнюк, потому что посмел жениться на нашей матери...

– Ну, отчим – это отдельный случай. Он как-то подозрительно быстро женился на нашей матери, – резко ответила Марьяна и сверкнула глазами.

Все-таки стычка с Капитоновой не прошла для нее даром. Глупо было надеяться, что она просто перешагнет через это событие, никак на него не отреагировав. Если поджечь фитиль, бомба рано или поздно взорвется.

– Погоди-ка, что ты имеешь в виду? – нахмурилась Вера, сразу сообразив, что вместо одной истерики ей, возможно, предстоит пережить целых две. – Что значит – подозрительно быстро?

– То и значит. – Марьяну было уже не остановить. – После смерти отца не прошло еще и двух месяцев, а мама с Цидвинцевым уже месяц женаты. Занятно, правда?

– Да что ты хочешь этим сказать? – Глаза Сони округлились.

– Я хочу сказать, что не верю, будто отец умер от случайного инфаркта. Он умер от потрясения. И мама в этом виновата. Незадолго до папиной смерти она как раз познакомилась с отчимом, и у них наверняка случился роман. Однажды отец застал их вдвоем... – Марьяна сжала кулаки так сильно, что у нее побелели косточки пальцев. – Представляете, каким это было для него ударом? Вошел в собственную квартиру и увидел их... Ему стало плохо, мама вызвала неотложку, а Цидвинцев сбежал. Трус проклятый.

– Мне сейчас тоже станет плохо, – простонала Соня, прижав ладонь к груди. – Почему ты решила, что все случилось именно так? Мама сказала, что отец вошел в квартиру, наклонился, чтобы развязать шнурки на ботинках, и упал.

– А я полагаю, что в тот момент мама в квартире находилась не одна. И отцу было отнюдь не до шнурков.

– Да, это что-то новенькое, – пробормотала Вера, отпив добрый глоток из своего бокала. – Откуда ты взяла все это, радость моя?

– Мальчишки, – коротко ответила Марьяна, которую вдруг начало мелко трясти. – Мальчишки во дворе болтали тем вечером про телевидение. Помните, после всей этой суматохи вы остались с мамой наверху, а я вышла подышать воздухом?

– И что? – Вера недоумевала. Ее соболиные брови сошлись на переносице, а возле губ прорезались складки. – При чем здесь мальчишки?

– У нас во дворе снимали передачу о коммунальных службах города. Что-то там не так рыли или не тогда рыли, телевизионщики пытались разоблачить не то строительную фирму, не то подрядчиков...

– Марьяна, мне в самом деле нехорошо, – тонким голосом сказала Соня, бледнея на глазах.

– Да погоди ты! – прикрикнула на нее старшая сестра, не сводя при этом глаз с младшей.

– Я дышала воздухом, – продолжила та нервно, – и услышала, как мальчишки обсуждали съемку. Я спросила, что был за репортаж, какой канал и все такое... Мне запомнилось название передачи. Ну а уж дату я потом восстановила. Я нашла эту передачу в Сети.

– Зачем ты ее искала? – продолжала вопрошать Вера, все больше хмурясь.

– Не знаю. Интуиция, наверное. Мне не нравилось, как вел себя Цидвинцев после свадьбы. Как только речь заходила об отце, он становился... странным, – пожалала плечами Марьяна. – Нервным и даже грубым. Я уж не говорю о том, как быстро они с мамой назначили дату свадьбы. Они и знакомы-то были всего ничего...

– Господи, какая ерунда! – вознегодовала Соня, всплеснув руками. – Мы с Толиком поженились через две недели после знакомства и вон сколько лет были счастливы.

– Да-да, вы с Толиком – образец для подражания, – непередаваемым тоном сказала Вера и снова обратилась к Марьяне: – И что было в той передаче? Ты же к этому ведешь.

– На заднем плане видно, как из нашего подъезда выскакивает Цидвинцев – весь расхристаный, с сумасшедшими глазами. Картинка быстро меняется, и если специально не приглядываться, можно даже и внимания не обратить. Ну, человек торопливо вышел из подъезда. Слушайте, они с мамой скрыли от нас правду. От всех скрыли правду! Это они виноваты в смерти отца.

– У отца было больное сердце, и отец пил! – резко сказала Вера. – Творческие люди вообще пьющий народ в большинстве своем. Особенно если приходится много ездить и жить по гостиницам. Да и зарабатывал он неслабо, любил шикануть. За последние фотографии, которые он сделал в пустыне, англичане заплатили ему бешеные деньги. И он ушел в очередной запой. После этого запоя и умер.

– Отца месяцами не было дома. – Соня распрямила худенькие плечи. – И я не осуждаю маму за то, что она полюбила другого мужчину. В конце концов, это ее личная жизнь.

– Так надо было просто развестись с отцом, и все! – выкрикнула Марьяна. – Надо быть честным в отношениях, иначе кто-нибудь обязательно пострадает. Если бы она объяснилась с отцом, он был бы жив.

В семье Тумановых у каждой из сестер было свое прозвище. Веру называли командиршей, Соню – королевишной, а Марьяну – храбрым воробьем. Она вечно сражалась за справедливость и росла в непоколебимой уверенности, что, если поступать по совести, с тобой все всегда будет хорошо. И вот теперь, в двадцать восемь, ее детские идеалы наконец пошатнулись – она столкнулась с тем, что мир порой невероятно, невозможно несправедлив к тем, кто этого совсем не заслуживает. Конечно, Марьяна не была наивной дурой, но никогда прежде с этой истиной лично у нее не происходило лобового столкновения.

– А мама все никак не может понять, что произошло и почему ты так изменилась, – пробормотала Соня. – Думает, в твоей жизни что-нибудь случилось.

– А что, в моей жизни разве ничего не случилось? – злобно спросила Марьяна, опасно прищутив глаза – такие же серо-голубые, как у Марафета, который уже окончательно проснулся и сложил уши бантиком. – Извините-подвиньтесь, я собиралась замуж и уже сшила белое платье. Дурацкое белое платье с дурацким шлейфом. И тут моя лучшая подруга, с которой я вместе лепила куличики и у которой списывала задачки в школе, просто взяла и – фьюить! – увела моего жениха. Женила на себе и теперь ходит румяная, в кудряшках и со счастливой рожей!

– Она встретила Капитонову в книжном магазине, – вполголоса пояснила Вера специально для Сони.

– А после измены Северцева, позвольте напомнить, когда я, вся в соплях, с горя напилась на корпоративе, мне подставил плечо умный, зрелый, внимательный мужчина. И я купилась как дура! Почувствовала, видишь ли, опору. Поверила в то, что могу все поправить, все начать сначала, что новые отношения меня вылечат! Как же, целый главный редактор...

Сестры, разумеется, знали эту историю, но молчали, понимая, что Марьяну сейчас лучше не перебивать. Даже кот, которому давно полагалось сбежать и спрятаться под диваном или под вешалкой, продолжал лежать в центре стола и только нервно помахивал кончиком хвоста.

– А вскоре мой новый возлюбленный уволил меня к чертовой матери, да еще с таким грохотом, что после этого меня уже не брали ни в один растреклятый журнал, ни в одну растреклятую газету! Ославил меня на всю Москву, распустил слухи, что я его домогалась, обзвонил всех своих знакомых...

– Ну, его жена застукала вас на рабочем месте, – все-таки не удержалась от комментария Соня. – Надо же ему было как-то оправдываться перед ней. Вот он и свалил все на тебя. Мол, это ты вела себя недостойно, хотела продвинуться по служебной лестнице... Сволочь, конечно, но кого в наше время этим удивишь? Вот увидишь, все будут относиться к произошедшему с юмором.

– Да-да, при взгляде на меня каждый подумает: о, та самая девица, которая хотела соблазнить начальника, а он ее послал.

– Жаль, что все это случилось сразу после Северцева... Но ведь в конце концов тебя все-таки взяли на работу. – Соня и думать забыла о том, что это она сейчас должна была изливать душу и рыдать, вытирая глаза бумажными салфетками. – Ты устроилась в прекрасный журнал про путешествия и развлечения.

– Да, устроилась, – дернула плечом Марьяна. – На должность младшего помощника старшего дворника. И это после всего, чего я добилась! Я делала карьеру, у меня все шло потрясающе, а потом все вдруг рухнуло как карточный домик. А мама... Она изменяла отцу, и он умер, когда застал ее с любовником! А теперь любовник дарит нам подарки на Новый год и пытается дружить. Вы считаете, всего этого мало для того, чтобы слететь с катушек?! Любовь, работа, семья... Это же самые важные в жизни вещи! И они просто на глазах разваливаются!

– Эй, радость моя, притормози. – Вера вытянула руку вперед запрещающим жестом, и Марафет испуганно вскочил на лапы.

Марьяна мгновенно схватила его, не дав удрать. После чего встала с табуретки и принялась нервно ходить по кухне взад и вперед, прижимая кота к груди. Благо кухня была большая. На ее собственной кухне, в квартирке, которую она купила в кредит, ходить было невозможно. Один шаг в любую сторону – и вот тебе препятствие.

– Обещаю, я поговорю с мамой, – сказала Вера скучным «взрослым» голосом.

– Не надо, – помотала головой Марьяна. – Иначе все вообще станет... невыносимым. Так хоть какая-то видимость семьи...

Продолжая мерять шагами кухню, она принялась истово гладить Марафета по голове, и через минуту тот стал гораздо больше похож на какого-нибудь мангуста, чем на сибирского кота.

– Марьяш, но ведь у тебя сейчас все начинает налаживаться, – робко напомнила Соня, испуганно вертевшая на пальце кольцо.

– Что у меня начинает налаживаться? – спросила Марьяна враждебно.

– У тебя появился новый парень, ты устроилась на работу...

– Полетика? Господи, да что ты говоришь! Разве он сравнится с Аликом? С тем, что у меня могло бы быть? И работа... У меня подмочена репутация, обо мне шепчутся в курилках. Журналистский мир довольно тесный, там все друг друга знают... Ну, если ты, конечно, собой что-то представляешь. А я собой что-то представляла до тех пор, пока меня не выставили на посмешище.

– По-моему, ты преувеличиваешь свою значимость, – пожала плечами Вера. – Люди пошептались и забыли, а ты по-прежнему полагаешь, что каждый показывает на тебя пальцем.

– Оставь, Вера, – с нажимом произнесла Марьяна, ткнув в нее котом. – Мне никогда уже не выступать в высшей лиге. Грандиозные перспективы пролетели мимо. Вот что меня убивает.

– Да ты просто нытик, – презрительно бросила старшая сестра. – Тебе всего двадцать восемь лет, а ты развела такие страдания, как будто тебе сто восемьдесят восемь и пора покупать белые тапочки. Перед тобой целая жизнь, полная событий, встреч, любви... Зацикли-

ваться на неудачах – все равно что отказываться от путешествия из-за собак, гавкающих на обочине.

– Скажи, ну вот чего тебе сейчас не хватает? – спросила Соня, с тревогой глядя на младшую сестру.

Марьяна прикусила губу и раздула ноздри. В глубине души она знала, чего ей не хватает. Ей не хватало прежнего мироустройства – доброго, понятного и оттого успокоительного. Кажется, что жизнь превратилась в поле боя, где каждое ее решение, каждый шаг могли привести к провалу, обману, хаосу... Она не понимала, как с этим справиться, и отчаянно трусила.

– Ей не хватает мужества, – отрезала Вера, отлично понимая, что происходит с младшей сестрой. – Мне бы твой возраст, я бы всем показала кузькину мать.

– Я знаю, дорогая, что сейчас ты не веришь в чудеса... – начала было Соня, глядя на Марьяну сочувственно, но Вера ее оборвала:

– Да оставь ты эти сопли, ради бога! Чудеса волнуют только тех, кто не способен сам о себе позаботиться. Не расслабляй ее. Пусть лучше не ждет подачек от судьбы, а...

Не успела она договорить, как из комнаты до них донесся грохот.

– Вероятно, Толик свалился с дивана, – предположила Марьяна и выпустила наконец Марафета на волю. Тот укороченной рысью проскакал через кухню и, загребая лапами, скрылся за поворотом.

– Кстати о Толике, – сказала Соня, закинув ногу на ногу и повертев рукой в воздухе.

Вера с Марьяной удивленно посмотрели на нее.

– Я вызвала вас сюда из-за Толика, – напомнила та. – Мне нужна была ваша поддержка.

Марьяна нервически хмыкнула. Она снова уселась на табуретку и сложила руки перед грудью.

– Мы тебя поддерживаем, – заверила ее старшая сестра. – Если хочешь Толика, возьми его себе. Никто и слова поперек не скажет. Просто потому что это бессмысленно.

В ту же секунду Толик собственной персоной возник на пороге кухни – встрепанный и с помятой щекой.

– Здравствуйте, – сказал он ломающимся со сна голосом. – У вас тут что, военный совет? Бить будете?

Внешне Толик не представлял собой ничего особенного. Но в нем жил какой-то сексуальный бес, который заставлял взрослых умных женщин безвозвратно терять здравый смысл. Среднего роста брюнет, обраставший щетиной так быстро, что к вечеру он уже казался неухоженным, Толик имел в своем распоряжении томные карие глаза и чувственные губы, вероломно улыбавшиеся кому попало.

И Марьяне, и Вере страстно хотелось убить Толика. Он это прекрасно понимал, но, вместо того чтобы не попадаться сестрам на глаза, наоборот, постоянно лез на рожон. Вероятно, подспудно ему хотелось, чтобы его любили все женщины без исключения, или, по крайней мере, хорошо к нему относились. Поэтому он упорствовал в своем желании доказать свояченицам, что он не какой-то там ловелас, а тонко чувствующая натура.

Да, он женат на их сестре. Да, он встретил другую и изменил. Но это ведь не потому, что он «блудливый пес», как называла его Соня. У него не куча романов на стороне, а всего один, случившийся на одиннадцатом году совместной жизни. По сравнению с другими мужчинами он почти что монах, положивший на алтарь брака свои лучшие годы, которые прошли без интрижек. В конце концов, каждый может оступиться!

– По-моему, тебя уже кто-то бил, – заметила Вера, разглядывая Толика в упор.

Был бы он ее мужем, она бы развелась с ним после первого же его похода на сторону. Ну уж после второго точно бы развелась. Как встречать такого типа после работы? Гладить ему рубашки, готовить для него ужин? Как ложиться с ним в постель, зная точно, что эти руки

обнимали другую, что эти губы шептали слова любви другой? Соня просто дура. Это насколько нужно себя не уважать, чтобы прощать такую наглую рожу?

Рожа у Толика действительно была не фонтан. Во-первых, он думал, что сестры выступят против него единым фронтом, и приготовился к отпору, надув щеки. Во-вторых, на правой скуле у него багровел здоровенный синяк, а губа была рассечена и опухла.

– Можно догадаться, кто его бил, – заявила Соня с убийственной иронией в голосе. Конечно, она имела в виду «тощую выдру», которой наверняка не понравилось, что ее снова бросили.

Толик мягкой походкой подошел к жене и положил руки ей на плечи. Та ошутимо вздрогнула.

– Ну, ругай, ругай меня, я это заслужил. Вы тоже, девочки, можете меня ругать.

– Больше нам заняться нечем, – проворчала Вера, зыркнув в его сторону.

Она всегда странно смущалась, когда Толик при всех трогал жену. А он делал это постоянно – украдкой целовал ее то в шейку, то за ушком, гладил руку, мог шлепнуть по попке или пощекотать под подбородком. Физическое проявление любви было для него таким же естественным, как дыхание. Вере казалось диким то, что деликатная Соня относилась к этому удивительно покорно.

– Я не могу жить без вашей сестры, – сообщил Толик со скорбным видом. – Я очень хотел ее бросить и даже сделал для этого все возможное, но... Чувство к ней оказалось сильнее.

Марьяна решила, что сейчас он похож на бездарного актера, который откровенно портит крупные планы. Целых десять лет, пока Толик был полноценным членом семьи, она никогда не замечала в нем ничего фальшивого. Но теперь, когда зять был пойман на измене, буквально все стало казаться в нем подозрительным.

«Вот так и меня, наверное, пристально изучают на новой работе, – подумала Марьяна. – Оступившихся до конца не прощают никогда». Невероятно, но в этот момент она испытала жалость и даже проблеск симпатии к Толику.

– Знаешь, что, Толик? – сказала Вера, посмотрев на зятя с легким отвращением. Она сидела к нему лицом, распрямив плечи, и выглядела весьма воинственно. – Давай-ка все проясним. Ты бросил Соню и ушел к другой женщине. Понял, что без Сони тебе плохо, и вернулся.

– Да, – ответил Толик покаянно.

Он по-прежнему стоял за спиной жены, положив руки ей на плечи. Та же приняла вид перепуганного ребенка, из-за которого ссорятся взрослые.

– Но счастье не длилось долго, – продолжала Вера. – Кстати, как ее зовут? Разлучницу?

– Жанна, – ответила вместо мужа Соня.

Она произнесла это имя с таким отвращением, словно все Жанны на свете рождались только для того, чтобы уводить чужих мужей.

– Ты снова убежал к Жанне, – продолжила Вера. – Кстати, почему?

– Меня к ней тянуло, – ответил Толик с подкупающей искренностью.

В его карих глазах блеснуло что-то похожее на опасливый восторг школьника, которому впервые пришла в голову идея выпить водки.

– Тебя потянуло к Жанне, ты убежал во второй раз, но не успокоился.

– Меня мучила совесть, что тут непонятного? – Толик энергично погладил жену по голове. – Я не мог наслаждаться счастьем с Жанной, потому что мне было стыдно перед Соней. Она отдала мне свои лучшие годы...

– Да уж, худшие годы у нее еще впереди, – отрезала Вера. – Это повторилось пять, нет, шесть раз, верно? Ушел, потому что тянуло, вернулся, потому что совесть замучила.

– Можно подумать, я единственный в мире мужчина, который запутался в отношениях с двумя женщинами, – с вызовом сказал Толик.

Вера фыркнула и переключила внимание с Толика на жертву его интриг.

– Ты говорила, когда он сбегал к Жанне, то ночами тайком звонил из ее ванной, чтобы повиниться и заверить, что он все еще тебя любит. Скажи честно, тебе нужен мужчина, который признается тебе в любви из ванной другой женщины?

Марьяна, внимательно наблюдавшая за Соней, неожиданно поняла, что – да, Толик ей нужен. Остро нужен. Внезапно она представила на месте сестры себя, а на месте Толика – Алика Северцева. Если бы они с Аликом поженились, а потом тот сбегал от нее к Капитоновой и захотел вернуться... Виновата наверняка была бы Капитонова. Алик запросто мог бы замечаться, надеть глупостей...

Поддавшись порыву, Марьяна не позволила Соне ответить на провокационный вопрос старшей сестры. В конце концов, человек, у которого рушится жизнь, имеет право высказаться.

– Ну, вот что, ребята, – вмешалась она непререкаемым тоном. – Что бы там ни было, а сейчас вы снова вместе. И единственное, что мы с Верой можем, – это пожелать вам обоим счастья. Да, Вера?

Вера повернула голову и уставилась на нее немигающим взглядом. Она собиралась еще многое сказать про Толика, про свое отношение к происходящим событиям, про то, как нужно поступать с неверными мужьями.

– Вера, – продолжала Марьяна, – кажется, нам пора.

– Пора так пора, – сказала Вера, поднимаясь с места. – Хотя я категорически с этим не согласна.

Марьяна поймала полный благодарности Сонин взгляд и тоже встала.

– Категоричность – враг здравомыслия, – заметила она и, протиснувшись мимо Толика, направилась в коридор.

Кот Марафет сидел на банкетке и вылизывал заднюю лапу, вытянув ее высоко вверх. Как только коридор наполнился людьми, он мгновенно улизнул, мелькнув рыжим хвостом. Толик вызвался развезти сестер по домам, но те наотрез отказались. Тогда он вышел проводить их до лифта и напоследок поцеловал Марьяне руку, шепнув:

– Из всех Тумановых ты самая добрая.

* * *

Андрей Кайсаров, главный редактор еженедельника «Увлекательная жизнь», сидел за своим рабочим столом и с тоской думал о том, как ему не хочется ехать в Беловетровск. Когда зазвонил городской телефон, он резко снял трубку.

– Да. Кайсаров слушает.

– Как обычно, не подходишь к мобильному? Разве ты не мог предупредить заранее, что тебя с завтрашнего дня не будет в городе? – спросила трубка вздорным тоном.

Голос он знал слишком хорошо, чтобы ему обрадоваться.

– Послушай, Арина, я развелся с тобой не для того, чтобы ты, чуть что, трезвонила мне на работу, – устало ответил он.

– А про нашу дочь ты подумал? Я сегодня улетаю на Кипр, а она, выходит, останется без присмотра?

– Каринка живет с твоими родителями, – напомнил Кайсаров.

– Ты знаешь, что они с ней не справляются! Девочке шестнадцать, у нее ветер в голове.

– Мне кажется, возраст тут совершенно ни при чем, – сказал Кайсаров, посмотрев на фотографию дочери, стоявшую на столе. – Это наши с тобой гены соединились в какой-то дикой комбинации. Признай, она с рождения такая поганка. Кстати, сегодня она ночевала не у твоих родителей, а у нас с Мариной. Странно, что ты не в курсе. Раз ты так о ней беспокоишься...

– Не наезжай на меня! – Трубка завибрировала от негодования. – Я разрываюсь на части между работой и домом.

– Лучше бы ты присутствовала в одном месте, но вся целиком. Было бы больше толка. – Кайсаров побарабанил пальцами по столу. – Ты прекрасно знаешь, что я не могу отменить командировку из-за твоего Кипра.

– Ну и черт с тобой! Но предупреждаю: пусть твоя новая женоушка не пытается воспитывать мою дочь. Иначе...

Ему захотелось уколоть ее, чтобы она взвилась и бросила трубку. Прекратить этот словесный пинг-понг, в котором не бывает победителей.

– Да они почти что одного возраста, – недогнущим голосом ответил он. – Девочки, скорее, могут подружиться.

– Вот ты всегда так, всегда, – отрывисто сказала трубка. – Я знаю, что, если позвоню тебе, услышу какую-нибудь гадость.

– А ты не звони, – ответил Кайсаров. – Потому что все наши разговоры совершенно бессодержательны и ничем не заканчиваются.

– У нас общий ребенок, и ты от меня просто так не отделаешься, – мстительно резюмировала трубка и выстрелила в ухо Кайсарову серией коротких гудков.

Тот со вздохом опустил ее на телефонный аппарат. Арина, видите ли, едет на Кипр. Он бы тоже с удовольствием махнул на море, уже больше года без отпуска. Кайсаров чертовски устал, и все эти обязательные мероприятия, запланированные в Беловетровске, казались ему сейчас неподъемными. Он мечтал о бирюзовой Адриатике и теплом песочке, а не о переговорах с представителями местного телеканала и не об ужине с мэром города.

В дверь легонько постучали, и на пороге возникла Зоя Васильевна. Кайсаров точно знал, что таких помощниц больше не сыскать на всем белом свете, и мгновенно поднялся с места.

Зоя Васильевна была из породы женщин, которых не увольняют и с которыми не разводятся. Она не боялась подступавшего пенсионного возраста, не боялась начальства, не боялась ничего, кроме глобальной экологической катастрофы. И то лишь потому, что ждала появления внука. Она была стройна, носила короткий седой ежик, одевалась в черное и серое и прятала насмешливые глаза за очками формы «кошачий глаз». Кайсарову нравилось в ней все: отрывистая речь, короткие ногти без лака, чувство юмора и отменная выдержка, достойная летчика-испытателя.

– Что это, Андрей Павлович, вы такой кислый? – поинтересовалась помощница, сгрузив на стол папки с бумагами.

– Не хочу ехать, вот и вся разгадка.

Зоя Васильевна подняла брови. Обычно Кайсаров не жаловался на нагрузки.

– Ничего, Беловетровск недалеко, это ж вам не Рио-де-Жанейро.

– Вот именно, – мрачно заметил он. – Там холодно и грустно. И вообще я устал.

– Может быть, отменить вечернюю встречу с главой ЦБК? – предложила Зоя Васильевна. – Ляжете пораньше, отоспитесь перед дорогой.

– Не отменяйте, ничего это не решит. Сплю я все равно плохо.

Помощница бросила на него странный взгляд, и Кайсаров догадался, что сейчас она подумала о его семье. Конечно, разве скроешь от этой женщины жуткое разочарование, которое его постигло? Второй брак, вторая жена-красавица, а результат тот же. Страсть отхлынула, как кипучая волна, и остались одни обязательства. Почему ему вечно кажется, что его любят? Как он ухитряется принимать за любовь тонкую лисью игру? И почему прозрение приходит сразу, словно кто-то срывает с глаз покрывало? И ты вдруг понимаешь, что все поступки твоей второй половины продиктованы исключительно заботой о себе? А ты для нее – лишь колодец, откуда она черпает и черпает воду, безжалостно иссушая землю вокруг и не думая о последствиях...

– Вам нужно в отпуск. – Зоя Васильевна словно прочитала мысли начальника. – Просто уехать куда-нибудь подальше от Москвы и оставить дома всю ту электронную дрянь, в которую может пролезть Интернет. стыдно терять вкус к жизни в вашем возрасте.

Зоя Васильевна была не в бровь, а в глаз. Кайсаров действительно в последнее время почему-то не чувствовал вкуса жизни – только ее ритм. Нехватка времени душила его. Иногда под утро он просыпался с мыслью о том, что его личность постепенно растворяется в выполняемых им функциях. И не случилось женщины рядом, способной приберечь для него тепло, в которое можно было бы окунуться после работы. Марина оказалась не способна генерировать сердечное тепло, и Кайсаров снова поразился собственной близорукости. Почему он не понимает, на ком женится? Почему влюбляется в расчетливых хищниц и не способен распознать вранье и притворство еще до свадьбы? Иметь такое чутье в бизнесе и быть таким идиотом в личной жизни!

– Обещаю, что после Беловетровска я отправлюсь на море, – заверил он помощницу.

Зоя Васильевна шагнула к его столу, сняла телефонную трубку и протянула начальнику:

– Тогда вызовите Иностранцева и предупредите его, что из командировки сразу отправитесь в отпуск.

Кайсаров принял трубку, сел обратно в свое кресло и посмотрел на Зою Васильевну с любопытством:

– А как же мой график?

– Я над ним поколдую, – пообещала та.

– Соблазнительно, – проворчал Кайсаров и, быстро набрав хорошо знакомый номер, бросил в телефон: – Тася, попросите Максима Геннадьевича зайти.

Иностранцев был его замом. Матерый журналист, отметившийся во многих центральных изданиях и наконец осевший в «Увлекательной жизни», за последние полгода он дважды капитально прокололся, и журнал потерял двух крупных рекламодателей. Кайсаров Иностранцева прикрыл, но пригрозил, что больше ничего подобного не потерпит и что будет теперь следить за замом, как ястреб за куропаткой.

Лишившись свободы маневра, Иностранцев как-то сразу потерял драйв, перестал носиться по офису, генерить идеи и переквалифицировался в кабинетного работника. Он начал задерживаться на службе, но Кайсаров подозревал, что в этом виноваты не срочные дела, а бар с выпивкой.

И теперь, когда заместитель вошел в его кабинет, он снова подумал про виски, щедро закупавшийся для представительских целей. От визитера тошнотворно пахло туалетной водой, под глазами набрякли два полумесяца, однако держался он самоуверенно. Длинный и тощий, с вечно шевелящимися костлявыми пальцами и оттого напоминавший паука-сенокосца, Иностранцев придавал себе вес, выбирая безупречные итальянские костюмы и оплачивая дорогого парикмахера. У него были надменный нос аристократа и водянистые глаза старого проходимца.

– Привет, Макс, – сказал Кайсаров, указывая на пустое кресло. – Садись, потолкуем.

Он приоткрыл окно, чтобы в кабинет ворвался холодный воздух и выдул отсюда запах парфюма, от которого мгновенно застучало в висках. Пару минут они обсуждали текущие дела, после чего Кайсаров переключился на главное:

– Хотел предупредить, что я планирую взять недельку отпуска. Так что останешься на хозяйстве. Зоя Васильевна обещала утрясти график, вот только «круглый стол» на Третьем канале подвиснет. Смотаешься?

– Не вопрос. – Иностранцев, развалившийся в кресле, картинно закинул ногу на ногу. – Я красив и неординарен, камера меня любит.

И он улыбнулся улыбкой сторожевого пса, загнавшего на дерево ночного воришку.

– Ну, тогда после Беловетровска плотно сядем и посмотрим основные материалы в номер, а мелочевкой займешься сам. – Кайсаров положил ладони на стол, показывая, что сказал, в сущности, все, что хотел.

Иностранцев неохотно поднялся и, не смыв с лица улыбку, направился к двери.

– Кстати, – спохватился Кайсаров, – у нас ведь в Беловетровске свое отделение, верно?

– Ну что там за отделение? – Улыбка мгновенно растворилась, не оставив и следа. В глазах появилось напряжение. – Четырехполосное приложение. Крохотный офис, пара корреспондентов, пара компьютеров, телефон... В области планировали создать мощный центр возрождения старинных ремесел. Но инвесторы отвалились, и старинные ремесла накрылись медным тазом. Осталась, кажется, только вышивка бисером. Тебе интересно?

– На черта мне бисер? – удивился Кайсаров. – Загляну людей повидать. Приезд начальства – хорошая встряска. Внесу свежую струю, похвалю, подбодрю.

– И охота тебе время тратить? – удивился заместитель.

– Знаешь, охота. Я в поездках все время кому-то что-то обещаю: поучаствовать в конкурсе, посидеть в жюри на фестивале, создать комиссию или возглавить фонд, помочь с курсами повышения квалификации... Потом вернусь в Москву – и все, увяз с головой. Только и могу, что отделаться пожертвованиями и благотворительными взносами. А здесь, знаешь ли, сам бог велел. Может, благодаря мне они там, в Беловетровске, оживут и начнут выстреливать идеями.

Иностранцев ушел, явно недовольный. Кайсаров пожал ему вслед плечами и засобиравшись на встречу с директором целлюлозно-бумажного комбината. Усмехнулся скопившимся на столе папкам.

– Зоя Васильевна! – не выдержал и крикнул в закрытую дверь.

Помощница тотчас явилась на зов, как джинн из волшебной лампы.

– Слушаю.

– И повинуюсь, – пробормотал Кайсаров. – У нас что, электронную переписку отменили? Откуда столько макулатуры?

– Андрей Павлович, вы опаздываете на встречу. – Помощница не посчитала нужным вступать с ним в дискуссию. – Заодно можете поговорить с директором комбината об экономии древесины.

– Юмористка, – проворчал он, торопливо собирая портфель. – Ладно, я завтра утром позвоню.

Деловой походкой он вышел из своего кабинета. Сотрудники мгновенно его заметили и засуетились – по телефонам заговорили громче, по проходам забегали быстрее. Ответственный секретарь попытался сунуться к Кайсарову с каким-то вопросом, но тот увернулся, дружески похлопав подчиненного по плечу.

Все тут были как на ладони – помещение, организованное по типу «открытого пространства», вынуждало людей с утра до вечера работать на виду друг у друга. Кайсаров знал, что большинству это не нравится, но поделать ничего не мог. Владельцы журнала выделили им огромный, только что отремонтированный зал, занимавший чуть ли не пол-этажа могучего офисного здания. Сюда завезли столы, поставили на них компьютеры, воткнули вилки в розетки и велели: работайте, ребята! «Ребята» довольно быстро обжились, хотя ссор и жалоб друг на друга стало гораздо больше, чем прежде, когда народ сидел по кабинетам.

Возле двери, ведущей к лифтам, пришлось притормозить. Незнакомая усталая женщина как раз пыталась выйти, но представители сильной половины человечества не давали ей такой возможности и один за другим входили внутрь. Ни один не видел ничего зазорного в том, что женщина держит для них дверь. Сначала со стороны лифтов ворвался молодой парень в мятом костюме и плохо завязанном галстуке, потом маленький лысый тип с лицом проворовавшегося бухгалтера. Третьим, зыркнув на женщину, вошел начальственного вида дядька, ростом с

бурого медведя, вставшего на задние лапы. Та терпеливо ждала, не отпуская стальную ручку. И только было проход освобожден, как перед ее носом снова возникло двуногое костюмно-галстучное существо и пролезло внутрь.

«Джентльмены, твою мать!» – раздраженно подумал Кайсаров и, поддавшись порыву, ринулся к лестнице. Ему захотелось исправить ситуацию. Он побежал вниз по ступенькам, перемахивая через две, а то и через три разом. И возле центрального входа оказался еще до того, как женщина с усталым лицом спустилась на лифте вниз. Вышел на улицу, где его мгновенно обдало холодом, и развернулся, сделав вид, будто собирается войти внутрь. Как только автоматические двери стали раздвигаться, Кайсаров отступил в сторону и галантным жестом предложил женщине пройти первой. Она заулыбалась и кивнула. Ему стало приятно.

Ему всегда было приятно заставить кого-то улыбнуться. Улыбки были его топливом – он заряжался энергией от мимолетных «спасибо», благодарных кивков и похлопываний по плечу. Топлива хватало на то, чтобы закончить тяжелый день и не чувствовать себя выпотрошенным. Он старался вызывать у окружающих положительные эмоции и благодаря этому иногда, кажется, даже выигрывал неравный бой человека с мегаполисом.

– Андрюш, ты почему это вертишься на крыльце, как швейцар? – раздался позади него женский голос с восхитительной хрипотцой.

Так ему, по крайней мере, казалось прежде. Еще год назад вся Марина с ног до головы казалась ему восхитительной. Он отлично помнил, как при взгляде на нее электрический ток пробивал его от затылка до самого копчика. К сожалению, когда он женился на ней, она его очень быстро обесточила.

– Да вот, работа не отпускает. Так и хожу – то на крыльцо, то обратно.

Кайсаров повернулся лицом к жене, но не поцеловал, хотя она, судя по всему, этого ждала. Сама она на людях всегда была очень нежна с мужем и рассчитывала, что тот тоже будет держать марку.

Однако он не мог себя заставить. Кайсаров уже понял, что он для Марины – всего лишь поезд, в котором она рассчитывала с комфортом ехать по жизни. Проккомпостировала во Дворце бракосочетаний билет и с удобством устроилась в купе. Через год он стал думать о разводе, а она о том, чтобы не дать ему высадить себя на первом же полустанке.

Марина льстила мужу, кокетничала с ним, обижалась, устраивала сцены – но все впустую. Она пыталась вернуть прежнего Кайсарова – влюбленного, послушного, готового на все ради одного движения ее пальчика. Однако тот стал ироничным и неуправляемым. Его ирония в конце концов разогнала их по разным спальням. Брак стремительно рушился, и Марина каждый день ждала приговора. А пока ждала, пыталась выкрутить из своего замужества все, что только возможно. Чтобы, как она говорила сама себе, не остаться на бобах. Она изо всех сил оттягивала конец и усердно доказывала окружающим, что они с мужем по-прежнему идеальная супружеская пара.

– Что ты вообще здесь забыла? – любопытствовал Кайсаров, оглядывая жену придирчивым взглядом.

Марина была невысокой, черноволосой, весьма эффектной молодой женщиной, которая умела выбирать для себя все самое лучшее.

– Просто проезжала мимо, позвонила, но ты не взял трубку. Может быть, поужинаем вместе?

Они спустились с крыльца на тротуар, подошли к служебной машине Кайсарова, но садиться не стали, хотя водитель уже завел мотор. На улице смеркалось, небо было по-осеннему серым и рыхлым, ветер гнал по лужам мелкую рябь и рвал ярко-голубой Маринин шарф.

Кайсарова ни на минуту не обманул ее небрежный тон. Она появлялась внезапно лишь в одном случае – если ей было что-то нужно.

– Я ужинаю с директором бумажного комбината, – сообщил он без единой нотки сожаления в голосе.

– И я вам, разумеется, помешаю.

– Если бы директору комбината необходимо было заморочить голову, я бы тебя обязательно взял с собой. Но поскольку мы собираемся работать, твоя неземная красота будет нам только мешать. Куда тебя подвезти?

– Никуда, – надулась Марина.

– Или, если хочешь, водитель сначала забросит меня в ресторан, а потом отвезет тебя домой.

– Не хочу домой, там твоя дочь. Сегодня утром она со мной даже не поздоровалась. – Марина посмотрела на Кайсарова в упор, ожидая, что ему станет неловко.

– Наверное, она тебя просто не узнала, – ответил тот. – Когда ты выходишь из ванной с лицом, покрытым синей глиной, тебя не так-то просто идентифицировать.

– Ты невыносимый человек! – рассердилась Марина. Она не была настроена шутить.

– Я невыносимый, но ты с упоением выносишь мне мозг.

– Андрюш, давай не будем ссориться. – Марина положила ладошку ему на грудь.

Кайсаров положил сверху собственную ладонь. Возможно, хотел, чтобы жена услышала, как ровно и невозмутимо бьется его сердце.

– Я даже не собирался с тобой ссориться, – заверил он. – Я вообще не ожидал тебя сегодня увидеть.

– Твоя деловая встреча спутала мне все карты, – нахмурилась Марина, убирая руку и пряча ее в карман. – Я рассчитывала на ужин.

– Неужели саранча съела все продукты в холодильнике? – будто бы удивился Кайсаров.

– Какая саранча? – не поняла жена.

– Ну, как же! Экономка, массажист, парикмахерша, твой личный тренер... Еще парочка дармоедов, которые распиливают наш семейный бюджет.

– Уж ты меня расписываешь, будто я какая барыня. И не умею считать деньги.

Кайсаров рассмеялся:

– Нет, дорогая, деньги ты как раз умеешь считать отлично.

– К тому же они у нас не едят, – отрывисто бросила Марина. Ей не понравилось, что муж покусился на святое, на ее образ жизни.

– Но уж пьют – это точно. Я сам видел, как твой стилист доставал из бара мой французский коньяк.

Кайсаров нетерпеливо потоптался на месте, и Марина поспешно сказала:

– Ну, может быть, мы тогда после твоей встречи сходим в кино? На последний сеанс?

– Господи, зачем? У тебя в будуаре висит экран, который видно из соседнего кафе.

– С тобой невозможно найти общий язык. Ты очень изменился, Андрюша. Я просто не могу добраться до твоего сердца, – обиженно заявила Марина.

– До сердца ты не добираться, потому что по дороге к нему тебя всегда останавливает бумажник в нагрудном кармане.

– И ты все наши разговоры переводишь в шутку.

– А ты переводишь их в наличные. – Он пристально посмотрел на жену. – Сколько тебе нужно?

– Две штуки баксов, – быстро ответила та и облизала губы. Вероятно, сильно нервничала. – Не спрашивай на что, это секрет.

– Марин, ты не забываешь случайно, что я не олигарх, а наемный работник? У меня нет миллионов в банке, а просто очень хорошая зарплата.

– Вот именно: очень хорошая, – обольстительно улыбнулась та.

Кайсарова ее улыбка покорила. Да, Марина была прекрасным созданием природы. Примерно как плотоядный цветок под названием венерин башмачок. Конечно, он не чувствовал себя пойманной мухой, он мог разорвать этот брак в любую минуту. Но все медлил, пытаясь понять, не сам ли он виноват в том, что его возлюбленные после свадьбы менялись, словно по волшебству? Может быть, это он провоцирует их становиться такими?

Помнится, когда Кайсаров еще только ухаживал за своей будущей женой, она казалась ему идеальной. Он говорил, что женщина должна уметь варить борщ и печь пироги – и Марина варила борщ и вымешивала тесто. Он непререкаемым тоном заявлял, что женщина должна носить платья, а не брюки, – и Марина появлялась на свиданиях исключительно в платьях. Он утверждал, что красная губная помада – это пошло, и она выбросила ее из косметички. Он снобистски вещал, что женщине лучше не вступать в общие споры, – и она молчала с очаровательной полуулыбкой на лице. Друзья считали, что ему дьявольски повезло.

Как только закончился медовый месяц, закончились борщи с пирогами и начались претензии.

– Вот, возьми, сними деньги с карты, – бесцветным голосом сказал Кайсаров и достал из кармана кредитку.

Вороны, сидевшие на чугунной ограде бульвара через дорогу от них, с пронзительным карканьем взмыли в воздух. Он вздрогнул, а Марина рассмеялась.

– Ведь ты меня все еще любишь, – обвинительным тоном сказала она, поднялась на цыпочки и прицельно поцеловала мужа в губы.

Кайсаров понял: ей хотелось, чтобы и шофер, и выходявшие из здания люди, возможно, сотрудники журнала, – все видели, как она прекрасна и любима. Что она вне конкуренции.

Конкуренток у нее действительно не было. И вряд ли они появятся в обозримом будущем. Даже мысль о новых серьезных отношениях вызывала у Кайсарова внутренний протест. Еще одна женщина? Еще один черный ящик, из которого фокусник может достать буквально что угодно? Нет, женщины женщинами, но с любовью покончено. С него довольно.

* * *

Марьяна подошла к лифту, возле которого толпились белые воротнички, и посмотрела на часы.

– Успеваем, – ободрила ее возникшая возле правого локтя Тамара Ружник.

Тамара вела в журнале колонку «Город в стиле ретро», носила платья с заниженной талией, винтажные украшения и туфли со шнуровкой. Тамара первой заговорила с Марьяной после того, как та заняла свободный стол неподалеку от нее. За две недели они вроде как подружились, иногда вместе пили кофе и сплетничали. Вернее, сплетничала Тамара, а Марьяна только слушала и мотала на ус. Впрочем, времени на болтовню почти не оставалось, так много было работы. Кроме того, Марьяна понимала, что просто не может себе позволить просчетов и проколов. И тратить время попусту тоже не может.

– А ты куда ходила обедать, в сетевое кафе? По-моему, там дороговато. – Тамара схватила Марьяну за запястье и втащила в подошедший лифт, бесцеремонно растолкав замешкавшихся клерков. – И ты опять прозевала главного: он отчалил в командировку, я сама видела, как они с женой садились в машину. Жена у него – конфетка! Да и неудивительно. – Она наклонилась к самому уху Марьяны. – Он и сам просто сказочный мужик. Сорок с небольшим, но виски уже седоватые... А глаза какие! За такие глаза бабы душу продают.

– Да ладно тебе, – отмахнулась Марьяна, которой привлекательный главный редактор был сейчас нужен как рыбе зонтик. После того что с ней случилось, она дала себе слово входить в кабинет руководителей, даже очень старых и страшных, только в рабочее время и лучше всего со свидетелями.

– И он ну все время в разъездах, его просто на части рвут. Только вчера прибыл с какой-то конференции, а сегодня снова в путь. Не повезло, что он с утра сидел в кабинете, а потом улизнул и ты его не увидела.

– Да еще сто раз увижу, – пробормотала Марьяна.

Они вышли на нужном этаже и двинулись по проходу к своим рабочим местам. Тамара шла чуть впереди в распахнутом пальто и громко стучала каблучками. Марьяна заметила, что многие мужчины реагировали на этот стук, поднимали головы и смотрели на Тамару кто открыто, кто искоса.

– Да нет, не думай, я понимаю: с боссами лучше держать дистанцию, – продолжала рассуждать та. – Ха, тебе ли не знать! Но Кайсаров у нас как какая-нибудь звезда. Все его обожают, он строгий, но справедливый. И такой галантный... Знаешь, вот не дамский угодник, а именно галантный.

Марьяна мысленно перекрестилась, что ее непосредственная начальница – женщина. Да к тому же неразговорчивая и не улыбкающая. То, что Марьяне сейчас и нужно. Больше дела, меньше слов.

Оказавшись на своем рабочем месте, Марьяна вернулась к статье о необычных коллекциях, которую уже почти закончила. Материал был увлекательным и, выбирая для него иллюстрации, она с интересом перебирала фотографии нескольких тысяч упаковок лейкопластыря, соломинок для коктейля, мебельных ручек, домашних тапочек, маникюрных ножниц, скрипичных смычков и мотоциклетных шлемов. Она так сосредоточилась на своем занятии, что не сразу заметила знаки, которые подавала ей Тамара Ружник.

– П-ст! – громким шепотом сказала та, когда Марьяна наконец сфокусировала на ней взгляд.

Марьяна бровями задала ей вопрос: в чем, собственно, дело? Ружник встала со стула, демонстративно потянулась, схватила со стола лист бумаги и перенесла на Марьянин стол. Наклонилась к ней и прошептала:

– За тобой наблюдают. Видишь Таську Балашову? Это шестерка Иностранцева.

– В каком смысле шестерка? Секретарша?

– Ну да. Она и без зарплаты готова все вынюхивать и докладывать руководству. Уже в четвертый раз проходит мимо тебя и все косится. Возможно, тебя проверяют. Будь внимательна.

Марьяна напряглась. Коллекция банановых этикеток сразу перестала казаться ей заслуживающей внимания. Она принялась наблюдать за упомянутой Таськой, которую если и видела прежде, то не запомнила. По работе они еще не сталкивались, а внешность у девушки была, прямо скажем, заурядная. Вроде бы мордашка ничего, но черты лица обыкновенные, волосы и прическа тоже самые что ни на есть неприметные, одежда неброская. Именно так и выглядят настоящие шпионы.

Не успела Марьяна всерьез обеспокоиться, как Балашова пришвартовалась к ее столу – тень упала на пачку белых стандартных листов.

– Новенькая? – спросила она тоном контролера, требующего предъявить билет. – Туманова? К Иностранцеву в кабинет.

– А что случилось? – Марьяна обмерла.

Неужели у нее опять неприятности?! Нет, не может быть. Она не допускала ошибок, не вступала в конфликты, не опаздывала...

– Просто идите за мной.

Балашова развязной походкой двинулась к кабинету заместителя главного редактора. Марьяна поднялась и с мертвым сердцем пошла за ней. Ее так и подмывало еще раз спросить, зачем это она понадобилась Иностранцеву. Она слишком незначительный винтик в этой редакции, чтобы о ней вообще думал или вспоминал кто-нибудь из руководства.

– Не дрейфь, – бросила ей в спину Тамара. – Наверняка просто рабочий момент.

Марьяна украдкой огляделась по сторонам. Ее непосредственной начальницы нигде не было видно, и она с облегчением подумала, что, наверное, та как раз у Иностранцева, а значит, в этом вызове нет ничего странного. Однако когда вошла в кабинет, кроме хозяина, никого там не увидела.

– Вот она, – сообщила Тася Балашова праздничным тоном. – Марьяна Туманова, как вы и просили.

Как будто Марьяна была каким-нибудь блюдом в ресторанном меню. «Марьяна Туманова под соусом бешамель! Можете откусить ей голову».

– Здравствуйте, – тем не менее предельно вежливо поздоровалась она.

Иностранцев остался сидеть и на ее приветствие не ответил. Он откровенно сканировал ее взглядом, и Марьяна раздраженно подумала, уж не подозревает ли этот тип, что она проглотила редакционное имущество – скотч или степлер.

– Садись напротив, Марьяна, – наконец подал голос Иностранцев и костлявой рукой указал на свободный стул.

Она проглотила это «ты» только из уважения к его возрасту. Не то чтобы почтенному, но все-таки.

– Максим Геннадьевич, – встряла секретарша, – вам кофе принести?

– Нет, не принести. Выйди из кабинета, – довольно грубо откликнулся тот. – И дверь за собой плотно закрой. Живей, живей!

Марьяна проводила Балашову внимательным взглядом. Спина секретарши показывала, что та несколько не обиделась. Либо привыкла к такому обращению, либо априори считала, что боссу все дозволено.

– Итак, Туманова, дело вот какое. Кайсаров, главный редактор нашего еженедельника, отправляется в Беловетровск. Знаешь, где это?

– Километров двести от Москвы, – ответила Марьяна. – А то и все триста.

– Бывала там? – Иностранцев наклонился вперед, навалившись грудью на стол. Положил руки на столешницу и побарабанил по ней пальцами.

– Нет, никогда. – Марьяна изо всех сил старалась не отводить взгляд и сидела прямо, с деловым видом.

– В Беловетровске у нас свое отделение, – продолжал Иностранцев. – Возглавляет его некто Хворостинин, у него в подчинении пара репортеров и внештатники. Так вот, я хочу быть уверен, что когда Кайсаров заглянет в наш местный офис, то там все будет в порядке, ясно?

Марьяна молчала, ожидая продолжения.

– Ну, и что ты на меня уставилась? – Иностранцев откинулся назад и иронически поднял брови. – Немигающий взгляд прощается только диктаторам, дегустаторам и аллигаторам. А ты всего лишь корреспондент на испытательном сроке.

– Я должна ехать в Беловетровск? – спросила Марьяна, мигом среагировав на упоминание об испытательном сроке.

– Да, именно должна. Причем ехать срочно, с раннего утра. Думаю, Кайсаров заглянет в местное отделение завтра вечером после обязательных мероприятий. А может быть, и послезавтра утром, если припозднится и останется ночевать в гостинице. Твоя задача – посмотреть на офис оценивающим взглядом и навести там порядок. Поняла?

– Порядок в каком смысле? – Марьяна испуганно всматривалась в лицо Иностранцева, опасаясь упустить какой-нибудь важный нюанс. – Вымыть пол и полить цветы?

– Если потребуется, вымоешь, – отрезал тот. – У тебя ведь есть голова на плечах? Значит, ты должна понимать, что понравится в этом офисе начальнику, а что не понравится. Надо, чтобы все понравилось. Если что, проявишь инициативу. Есть вопросы? Или придется разжевывать, как какой-нибудь непонятливой дуре?

– Разжевывать не надо. Вот только... Если этот Хворостинин не захочет меня слушаться? Как я ему докажу свои полномочия?

– Не волнуйся, Хворостинина я предупрежу о твоём приезде. Впрочем, тебе действительно может потребоваться поддержка. А то и грубая мужская сила. – Иностранцев потерял нижнюю губу и схватился за телефон. Когда ему ответили, энергично потребовал: – Тася, найди.

Через минуту появилась Тася, шныряя глазами по сторонам. Вероятно, она не знала, зачем начальник вызвал Марьяну, и сгорала от любопытства.

– Слушаю, Максим Геннадьевич, – пробормотала она, остановившись напротив стола.

– Кажется, ты говорила, у Угольщикова семейные проблемы? – спросил тот. – Полагаю, ему сейчас трудно сосредоточиться на работе. Так что приведи его сюда.

Марьяна нахмурилась. Она была шапочно знакома с Угольщиковым. Тот занимался маркетингом, и их пути за время недолгой работы Марьяны в еженедельнике пересеклись всего пару раз. Ехать с ним вместе в Беловетровск ей не очень хотелось.

Когда Угольщиков вошел в кабинет, Марьяна окинула его критическим взглядом. Что ж, ухоженный: рубашка идеально сочетается с отбеленными зубами, ботинки вычищены, выбрит чисто. Вряд ли он станет неприятным попутчиком. Хотя кто его знает... Любой мужчина за импозантной внешностью может скрывать фантастическое внутреннее свинство.

– Значит, так, Денис. – Иностранцев по-прежнему сидел в кресле в позе скупающего плейбоя. – Завтра едешь в Беловетровск – вот, вместе с Тумановой.

Угольщиков перевел взгляд на Марьяну и неохотно ей кивнул. Симпатичный брюнет с ярко-голубыми глазами. Другая на ее месте обрадовалась бы.

– Какова моя задача? – деловито поинтересовался он.

– Твоя задача усиливать Туманову. Она главная. И по дороге тебе все объяснит. Тася закажет вам билеты и выдаст прожиточный минимум. Можете быть свободны. Оба. Ваше непосредственное начальство поставлено в известность.

Марьяна поднялась и сделала два шага к двери.

– Да, кстати, – спохватился Иностранцев. – Если столкнетесь с Кайсаровым там, в Беловетровске, не распространяйтесь насчет своей миссии. Скажете, что собираете материал о бисероплетении. И здесь тоже чтобы ни гу-гу. Не заставляйте меня жалеть о том, что я выбрал вас, а не более лояльных сотрудников.

Марьяна и Угольщиков гуськом вышли из кабинета. Прямо возле двери на полу стояло единственное украшение редакции – гигантский фикус удивительно недружелюбного вида. В его крупных глянцевах листьях отражались лампы дневного света. Угольщиков задел фикус, и тот возмущенно закачался.

– Ну и что это за миссия? – спросил Денис, закрыв дверь и повернувшись к Марьяне лицом. На лице читалась откровенная досада. Вероятно, у маркетолога были совсем другие планы. – И я не понял, почему ты главная. Работаешь без году неделя.

– Я главная, потому что меня при желании легко уволить, – ответила Марьяна, которой тоже приходил в голову этот вопрос, и она мысленно на него себе довольно быстро ответила. – А миссия у нас простая. Проверить, все ли нормально в беловетровском офисе. Чтобы наш главный редактор, если ему вдруг захочется там побывать, остался доволен.

– А то что? – задал резонный вопрос Угольщиков. – Вот приехал Кайсаров в Беловетровск и остался недоволен местным отделением. Взял и поувольнял всех к чертовой матери, а отделение закрыл. Почему необходимо это предотвратить?

– Я не стала спрашивать, – честно призналась Марьяна. – Как ты верно заметил, я тут без году неделя. Не мое это собачье дело.

Мобильный телефон, который Угольщиков все это время держал в руке, неожиданно зазвонил.

– погоди, не уходи, – велел он, поглядев на Марьяну сверху вниз.

«Ну да, я главная, конечно, – иронически подумала та. – Прямо он разбежался мне подчиняться».

Угольщик между тем ответил на звонок.

– Угу, – промычал он, послушав, что ему говорили. – Мг-м. Ну что ты! Разумеется. Да. Да, конечно! Ах ты, надо же. Ну-ну.

Марьяна старалась не смотреть на него, чтобы не смущать, и пока он сыпал частицами и междометиями, нашла глазами Тамару Ружник. Та помахала ей рукой. Было ясно, что Тамара ждет рассказа и сгорает от любопытства. Интересно, и что делать? Иностранцев велел не распространяться. Значит, придется что-то сочинять на ходу.

– Мне эта командировка как острый нож, – неожиданно сказал Угольщик у нее над ухом. Разговор по телефону, по всей видимости, завершился. – На черта нас туда посылать? Я там с ума сойду от скуки.

– Проведешь какое-нибудь маркетинговое исследование, – предложила Марьяна.

– Ну да! – презрительно бросил Угольщик. – Маркетологи вызывают у обычных людей не меньшее подозрение, чем хироманты. Лучше я выплусь в этой командировке. Раз ты главная, Туманова, ты и занимайся всякими разборками. А я просто буду тебя сопровождать. Вроде как телохранитель.

Марьяна прикинула, что толку от такого телохранителя как от козла молока. Несмотря на завидный рост, Угольщик не производил впечатления силача. Можно было поклясться, что под костюмчиком у него жидкие мускулы и вялый живот. Но, вероятно, Иностранцеву было все равно, кем ее «усиливать». Как быстро он снарядил их в командировку! Наверняка зам знает больше, чем говорит. Вероятно, что-нибудь не так в беловетровском офисе.

Они договорились с Угольщиконым, что встретятся завтра утром прямо на перроне, и разошлись каждый в свою сторону. Марьяна завернула в туалет, чтобы еще немного оттянуть время до разговора с Тамарой. Та наверняка захочет во всех подробностях узнать, что происходило в кабинете начальства.

В дамской комнате возле умывальника стояла хмурая женщина средних лет и ожесточенно терла носовым платком мокрое пятно на платье. Платье было светло-серым, элегантным, а пятно расплылось прямо на груди. Когда Марьяна остановилась рядом, женщина поймала в зеркале ее сочувственный взгляд. Внимательные глаза сверкнули сквозь стекла очков.

– Кетчуп, – ответила она на немой вопрос Марьяны. – Очень некстати. У меня еще здесь дела и важная встреча. Ненавижу терять контроль над ситуацией.

– А шарфик дела не спасет? – спросила Марьяна сочувственно.

– Сегодня холодно, я надела большой вязаный, – с сожалением констатировала пострадавшая.

– Да я вам свой принесу, подождите здесь!

Марьяна подхватила и слетала к своему столу, отмахнувшись от Тамары, которая глазами и бровями уже задавала ей вопросы. Возвратилась в туалет, сжимая в руках легкий пестрый шарф. Женщина по-прежнему терла платье, но уже не столь усердно.

– Вот, – сказала Марьяна. – К светло-серому очень даже подойдет.

Женщина взяла шарфик, повязала на шею, удачно замаскировав пятно. Посмотрела на Марьянино отражение в зеркале и спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.